

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

на диссертацию Е. А. Кокиной
«Правовые аспекты владения вельможескими гробницами
в Египте эпохи Древнего царства»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
по специальности 07.00.03 – Всеобщая история (древний мир)

Одна из специфических черт египтологии – то, что огромная часть информации, касающейся разных сторон жизни древнего Египта, сохранена памятниками культового назначения – гробницами и храмами, и неизбежно преломлена через соответствующую идеологию; при изучении Старого царства¹ с его неразвитостью текстовых источников и почти полным отсутствием храмов богов, значение погребальных памятников – царских припирамидных храмов и гробниц частных лиц, оказывается еще больше. Любой исследователь Старого царства обречен на занятие этими памятниками, которые в результате археологических работ последних полутора веков и последующих публикаций сейчас представлены и изучены гораздо полнее, чем материалы любой другой эпохи истории Египта, но при этом остаются во многих отношениях достаточно загадочными. Причин тому несколько. Поначалу эти материалы, включающие реалистические изображения и небольшие тексты, долгое время казались очень простыми, и их сложность и глубина оставались незамеченными. Затем египтология взялась за их идеологическую составляющую и добилась в этом немалых успехов. Однако увлечение реконструкцией мировоззрения повело к тому, что гробницу стали воспринимать главным образом как материальное выражение представлений об иной жизни и недооценивать ее как реальный сложный объект, включенный во взаимоотношения реальных людей. Лишь в последнее время стали появляться работы, посвященные жизни вокруг гробницы. Такова и защищаемая ныне диссертация Е. А. Кокиной.

---

¹ В русской египтологической традиции на равных сосуществуют термины Старое и Древнее царство, принципиальной разницы в употреблении которых нет; оппонент пользуется первым, диссертантка вторым.

Сказанное выше достаточно характеризует *актуальность* ее темы: понимание того как, кто и на какие средства строил гробницы, снижает уровень спекулятивности выводов об их идеологии, что в свою очередь повышает достоверность свидетельств гробниц как историко-культурного источника. Что касается *новизны* темы и подхода, то следует признать, что хотя необходимость исследования реальных контекстов гробницы Старого царства сейчас вполне понятна, работ такого рода все еще очень мало. Среди них нужно выделить докторскую диссертацию В. Шовэ (Балтимор, 2003) и магистерскую работу Л. Зеленковой (Вена, 2008), до сих пор остающиеся неопубликованными, хотя и достаточно известными благодаря интернету (шансы на их монографическую публикацию невелики, так как авторы сменили тематику исследований). Диссертация Е. А. Кокиной учитывает их, но во многом является новым шагом. Шовэ и Зеленкова основываются прежде всего на надписях, касающихся строительства гробниц, что вполне оправдано, так как эти надписи дают наиболее надежные контексты, но очень мало (первая больше, вторая меньше) учитывают более косвенные свидетельства разного рода: указания на степени родства изображенных в гробницах людей, их генеалогии и титулы, обстоятельства сооружения памятников, сохранившиеся в них как археологических артефактах и т. д. Наша же диссертантка делает упор как раз на эту информацию, что значительно расширяет *источниковую базу*: если Шовэ включает в свой каталог 144 гробницы, а Зеленкова 148 (в тексте, разумеется, используются дополнительно и другие источники), то у нее количество памятников превышает 1100. Это несомненно повышает *достоверность* выводов, а обращение к разным аспектам источников позволяет говорить о комплексном подходе к памятнику как *методологической основе* работы.

Диссертация Е. А. Кокиной принадлежит к числу тех работ, которые трудно рецензировать, так как в силу своих достоинств они не требуют комментария – их нужно просто знать и учитывать в исследованиях. Она заслуживает высочайшей оценки, а недостатки ее ничтожны, что позволяет мне быть достаточно кратким в ее формальном обзоре, предполагаемом жанром оппонентского отзыва.

Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, библиографического аппарата и четырнадцати приложений, представляющих собой списки памятников, соответствующих определенным критери-

ям. Следует заметить, что приложения не являются обязательным довеском, а служат рабочим инструментом, без которого основной текст утрачивает значительную часть информативности. Библиография обширна и практически исчерпывающа применительно к данной теме.

Во *Введении* четко формулируются предмет и объект, цель и задачи исследования, определяются источники и метод, а также основные положения, выносящиеся на защиту. Отдельный параграф посвящен историографии правовой проблематики Старого царства. У египтолога вопросов здесь не возникает, но для историков иного профиля стоило бы сказать несколько слов о том, насколько ничтожны наши представления о египетском праве (особенно применительно к столь раннему времени) и о его специфике согласно более поздним источникам – без этого название диссертации может выглядеть излишне многообещающим.

Первая глава, «Формы владения вельможескими гробницами в эпоху Древнего царства» – самая обширная в диссертации. В ней рассматриваются случаи, когда в гробнице какого-либо человека выделяется часть для жен(ы), родителей, детей, братьев/сестер и прочих людей, степень родства которых с хозяином выявить не удастся. Преимущества комплексного метода очевидны: сравнительно немногочисленные тексты правового характера существенно дополняются свидетельствами иного рода – присутствием в гробнице архитектурных элементов (ложных дверей, жертвенников и т. д.) и надписей (титултур, жертвенных формул и т. д.) связанных с родственниками хозяина. В результате выявляются следующие варианты: 1) гробница с несколькими погребениями, но с оформлением культовых помещений только для одного лица, 2) гробница с несколькими погребениями, с доминированием одного лица в оформлении, но выделением в нем места для других лиц, 3) гробница с несколькими лицами, равноправными в рамках системы оформления (очень редкий случай) и 4) гробница с одним погребением, но с оформлением для нескольких лиц. Все это, разумеется, достаточно хорошо известно египтологам, но как единый феномен не рассматривалось; систематический подход является заслугой диссертантки. Основным инструментом для нее служит вводимое ею понятие *культового пространства*. В наиболее простом случае, когда изобразительное оформление гробницы предназначено для одного

лица, все оно может рассматриваться как его культовое пространство, в которое включаются его изображенные в гробнице родственники и слуги. Когда в рамках оформления выделяется самостоятельный элемент, такой, как, например, ложная дверь, приписываемый другому лицу, это означает создание для него самостоятельного культового пространства. Культовое пространство существует как часть реального объема гробницы, предназначенного для ритуалов в пользу данного лица, и вместе с тем оно соответствует порождаемому изображением миру-Двойнику этого человека. При этом оно никоим образом не связано с погребением, поскольку родственник, для которого оно выделялось, мог иметь свою собственную гробницу.

Такой подход оппоненту близок как продолжающий то, что он в свое время писал о мире-Двойнике, однако необходимым представляется следующее уточнение. Термин «культовое пространство» удачен, поскольку он позволяет описывать в рамках одной системы категорий гробничный культ (земную реальность) и мир-Двойник (иную реальность), но с его помощью не удастся описать права на погребальную камеру, поскольку та не имеет отношения ни к культу, ни к миру-Двойнику. В результате может создаваться впечатление, что права владения распространяются только на наземную, культовую часть гробницы. Диссертантка так, конечно, не думает, поскольку знает надпись Иду Сенени из ал-Каср ва-с-Сайад, которой он гарантирует права своей жены именно на погребальную камеру, но все-таки следовало бы оговорить границы применимости термина. Что же касается практически полного молчания о погребальных камерах, то объяснять его нужно тем, что надпись о праве на какой-либо элемент гробничного оформления и на соответствующее культовое пространство помещается на этом элементе, тогда как погребальные камеры до конца V династии никак не оформляются, да и позднее их оформление – большая редкость. Таким образом, мы имеем дело с типичным случаем неполноты источников. Это, кстати, по-видимому подтверждается тем фактом, что Иду Сенени говорит не о погребальной камере, хотя подразумевает ее, а только о ведущей в нее шахте – его надпись расположена возле устья шахты и, согласно правилу «говорим о том, на чем пишем», он и говорит только о шахте. Если справедлива инверсия этого правила – «пишем на том, о чем говорим», мы получаем ключ к объяснению момента, принципиального для интерпретации посвяти-

тельных надписей: египтяне всегда пишут: «Я сделал это», – но почти никогда не объясняют что именно, и это открывает простор для спекуляций, идет ли речь обо всей гробнице или только об элементе, несущем надпись. Похоже, что в подавляющем большинстве случаев справедливо последнее. Это, впрочем, уже далеко выходит за пределы вопросов, которые можно и должно решать в кандидатской диссертации, и я дарю свое наблюдение диссертантке для дальнейшей работы.

Вторая глава, «Источники финансирования сооружения вельможеских гробниц в эпоху Древнего царства», посвящена много обсуждавшейся проблеме соотношения вклада царя/государства и человека в постройку гробниц. Традиционно принято считать, что при IV династии роль государства была преобладающей (готовая гробница жаловалась человеку), а с ходом времени все большее значение обретал вклад самого человека. Это справедливо, но проблемы не исчерпывает. Диссертантка успешно показывает, что царское участие было шире, чем следует из биографических надписей, посвящавшихся только экстраординарным ситуациям и не говоривших о норме; при этом, конечно, нормой царское дарение было только для высшего слоя элиты. Как особый феномен выделяется сооружение гробниц начальниками для подчиненных, которое могло быть прекрасной наградой за хорошую службу. Количество документальных свидетельств этого невелико, но представляется, что мы имеем здесь дело с явлением гораздо более широким, чем представляется, и как дарения следует понимать многие гробницы, по своему качеству и размерам превосходящие тот средний уровень который могли позволить себе люди соответствующего положения; разумеется, для подтверждения требуется определение по массовым материалам этого среднего уровня.

Третья глава, «Правовой режим владения вельможескими гробницами в эпоху Древнего царства», посвящена рассмотрению условий, при которых человек мог иметь гробницу, правил, регулировавших собственность на гробницу, и прав владельца, в том числе права распоряжения ею. Думаю, что при нынешней неразработанности проблематики собственности и владения применительно к Египту Старого царства, большего, чем делает диссертантка, сделать нельзя. Документальные свидетельства ею учтены корректно, а дальше должно идти изучение категорий собственности, продолжающее проделанное Ю. Я. Перепелкиным, и исследование их преломления в зеркале

гробничных фикций, в духе блестящих наблюдений О. Д. Берлева. Это, однако, проблемы, выходящие далеко за рамки кандидатской диссертации.

В *Заключении* очень четко подводятся итоги диссертационного исследования, главный из которых состоит в доказательстве существования в Старом царстве достаточно развитой системы правовых гарантий в том, что касается владения гробницей.

Как и в любой работе, в диссертации имеются недостатки, но они незначительны и в большой степени имеют чисто технический характер. Не всегда унифицированы транслитерации; например, структурно одинаковые имена $\overline{\text{𓆎}}\overline{\text{𓆏}}$ и $\overline{\text{𓆎}}\overline{\text{𓆏}}\overline{\text{𓆑}}$ переданы одно с восстановлением показателя «старого перфекта» ($R^c\text{-}h\text{t}p(w)$), а другое без ($Jzzj\text{-}snb$) (с. 82, и подобные случаи довольно часты). Придираться к передаче имен в египтологии, где правят бал традиции, не принято, но все же там, где смысл имен понятен, следует выбирать не традиционный, а более осмысленный вариант: не $\text{K}d\text{-}ns$ (бессмысленно), а $N(j)\text{-}s(w)\text{-}kd$ («Он принадлежит творцу»), не $Nfr.\text{-}s\text{-}rs$ (бессмысленно), а $Nfr\text{-}rs(w).\text{-}s$ («Хорошо ее пробуждение»), не $Pth\text{-}\check{s}pss$ (грамматически сомнительно), а $\check{S}pss\text{-}pth$ (грамматически безупречно), и т. д. Транслитерация и перевод иногда расходятся, например (с. 149), $j\check{s}t(.j) nt sr$ переводится как «вещь чиновника» – нужно либо убрать восстановление слабого j в транслитерации, либо переводить «(моя) вещь чиновника». Гробница $Wp\text{-}m\text{-}nfr.t$ датируется не VI (с. 19), а V династией – явная опечатка. Не очень удачен термин «угрожающая формула» (*passim*) – лучше «формула угроз». Утверждение о том, что четыре и более ложных дверей встречаются лишь в четырех гробницах столичного региона (с. 99) ошибочно – к приведенному списку следует добавить мастабу Tjj . Спорить о датировках отдельных памятников в настоящем отзыве совершенно неуместно – это большая и совершенно особая тема; из того, что имеет принципиальное значение, скажу лишь, что я вслед за П. Яноши склонен относить гробницу $Dbh\text{-}n(.j)$ не к концу IV (с. 114–115), а к середине V династии. Впрочем, все это мелочи, неизбежные в работе таких масштабов, особенно в первой большой работе.

На мой взгляд, работа Е. А. Кокиной является идеальной кандидатской диссертацией. В ней определена и на современном уровне разрешена важная проблема, требующая широкого охвата источников, продемонстрировано свободное владение этими источниками, четко

выдержана научная логика и соблюдена методика; при этом автор избежал опасности отвлечения на интересные, но маргинальные относительно основной темы проблемы, что обеспечило цельность реализации замысла. Диссертация написана отличным языком, раздражает только изобилие совершенно ненужных кавычек чуть ли не на каждой странице.

Основные положения диссертации изложены в восьми статьях, в том числе в трех, опубликованных в изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ. Автореферат адекватно отражает содержание диссертации.

Таким образом, вывод из всего сказанного может быть один. Диссертация Е. А. Кокиной является серьезным, оригинальным и самостоятельным исследованием, соответствующим требованиям пп. 9 и 10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней» в редакции постановления Правительства РФ от 24 сентября 2013 г., а ее автор заслуживает присуждения искомой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.03 – всеобщая история (древний мир).

Доктор исторических наук,
заведующий Сектором
Древнего Востока
Государственного Эрмитажа

А. О. Большаков

21 апреля 2014

Директор

А. О. Большаков

Сектор
Древнего Востока

Директор

М. М. Дурманов